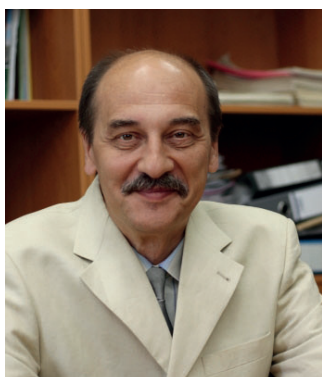

Стратегия примирения: восстановительная и общественная модели уголовного процесса

Стойко Н.Г.,

профессор кафедры
уголовного процесса и
криминалистики СПбГУ,
доцент, доктор юридических
наук

Ключевые слова:

восстановительный
уголовный процесс,
примирение, переговорная
юстиция

Стратегия примирения в уголовном процессе является одним из относительно новых направлений юридической науки. Эта стратегия раскрывается в моделях (теоретических описаниях) восстановительного уголовного процесса (правосудия) и общественного процесса (правосудия), близкой им модели договорной (переговорной) юстиции, а также лично-ориентированной и дискурсивно-сопоставительной моделях судопроизводства.

Восстановительная модель уголовного правосудия обладает следующими отличительными чертами:

- выдвижение в качестве одной из главных целей судопроизводства примирения между потерпевшим (жертвой) и обвиняемым преступником¹;
- уполномочивание сторон конфликта (жертвы и преступника) на участие в выработке решения по уголовному делу²;
- использование института посредничества при урегулировании конфликта потерпевшего с обвиняемым для удовлетворения законных интересов сторон³;
- возможность компенсации не только материального, но и психологического вреда, испытанного потерпевшим⁴;

¹ См.: Zehr H. Changing Lenses: A New Focus for Criminal Justice. Scottsdale, 1990.

² См.: Кристи Н. Пределы наказания. М., 1985. С. 98–125.

³ См.: Marshall T., Merry S. Crime and Accountability: Victim / Offender Mediation in Practice. London, 1990.

⁴ См.: Relational Justice: Repairing the Bragch / eds. J. Burnside, N. Baker. Winchester, 1994.

Преступление — это толчок, импульс, резко выводящий из равновесия систему общественных отношений. И образовавшийся конфликт преступник-жертва продолжает, затрудняет возвращение системы в положение покоя. В такой ситуации уголовный процесс должен сыграть восстановительную роль, чему очень способствовало бы примирение между потерпевшим и обвиняемым, когда оно возможно. Именно этой проблеме и посвящена данная статья

- вовлечение обвиняемого в процесс возмещения ущерба потерпевшему для развития позитивных отношений между ними⁵.

Общественная (или общинная) модель правосудия предполагает широкую общественную реакцию на проблему преступления⁶. Ее отличительные признаки таковы:

- использование в уголовном процессе реинтеграционного порицания преступников (обвиняемых), выражающегося в демонстрации осуждения совершенного деяния при одновременной поддержке уважительного отношения к ним и решимости окончательно простить со стороны потерпевших и ближайшего социального окружения⁷;
- делегирование властных полномочий по разрешению определенных категорий уголовных дел, по которым вопрос о вине не оспаривается, а конфликт между жертвой и преступником находится в пределах их непосредственного социального окружения, представителям общественности⁸;

⁵ См.: Perspectives on Crime Victims / eds. B. Galaway, J. Hudson. St. Louis; Toronto; London, 1981. P. 412–418; Шнайдер Г.И. Криминология. М., 1994. С. 365–366.

⁶ См.: Braithwaite J., Mugford S. Conditions of Successful Reintegration Ceremonies: Dealing with Juvenile Offenders // British Journal of Criminology. № 34. 1994. P. 139–141.

⁷ Характеристику теории реинтеграционного порицания см.: Braithwaite J. Crime, Shame and Reintegration. Cambridge, 1989.

⁸ См.: Braithwaite J., Mugford S. Op. cit. P. 140–141.

- учреждение «семейных» или «общественных» конференций, участниками которых являются обвиняемые и потерпевшие, их родные и близкие, друзья, в качестве заменяющего обычную судебную процедуру разбирательства дела, предполагающего достижение согласованной, достаточно персонифицированной и не противоречащей общественным ценностям реакции ближайшего социального окружения на преступление¹;
- замена ритуала осуждения по приговору суда реинтеграционной церемонией повторного принятия обвиняемых (преступников) в число законопослушных граждан²;
- поощрение и уполномочивание обвиняемого (преступника) и его близких на выработку взаимоприемлемого плана восстановительных мер с потерпевшим, органами уголовной юстиции и другими участниками в неформальной обстановке примирительного производства, посреднических и согласительных процедур³;
- контроль со стороны формальных инстанций и общественности за исполнением восстановительного плана действий (особенно касающегося конструктивного, включающего межличностный контакт обвиняемого и потерпевшего, возмещения ущерба, а также общественных работ)⁴;
- включение реинтеграционного примирительного производства в общую систему уголовного судопроизводства как ключевого, центрального звена правосудия по делам о преступлениях несовершеннолетних⁵;
- гарантирование интересов потерпевших (в той же мере, как и конструктивности в отношении к преступ-

Стратегия примирения в уголовном процессе является одним из относительно новых направлений юридической науки

¹ См.: Relational Justice: Repairing the Bragch.

² Braithwaite J., Mugford S. Op. cit. P. 162–163.

³ Ibid. P. 167–168.

⁴ Ibid. P. 169.

⁵ См.: Dignan J, Cavadino M. Towards a Framework for Conceptualizing and Evaluating Victim-Oriented Models of Criminal Justice. Centre for Criminological and Legal Research. University of Sheffield. Sheffield, 1995. P. 26–27.

никам) через предоставление им безусловного права на высказывание своего мнения о способе обращения с обвиняемыми и выбор любого решения из числа предложенных на «семейном» обсуждении⁶.

Договорная (или переговорная) модель уголовной юстиции делает акцент на признание за частными лицами — участниками процесса права влиять на содержание принимаемых органами уголовной юстиции решений, т.е. достигать «подлинных» соглашений-контрактов с этими органами (например, путем заявлений о признании вины или медиации)⁷.

Весьма близки идее примирения личностно ориентированная⁸ и дискурсивно-состязательная⁹ модели уголовного процесса.

Первая из них исходит из представления об уголовном судопроизводстве как способе конструктивного (позитивного) разрешения уголовно-правового конфликта, предполагающего, что возложению уголовной ответственности на обвиняемого в позитивном смысле должно корреспондировать принятие им на себя этой ответственности (при обязательном вовлечении в данный процесс потерпевшего и посредничестве со стороны суда и социальных работников)¹⁰.

Вторая указывает на активность функционально равноправных сторон, имеющих дискреционные полномочия по возбуждению обвинения, собиранию доказательств

⁶ Ibid. P. 27. См. также: *Moris A., Maxwell G., Robertson J.*, Giving Victims a Voice: A New Zealand Experiment // *The Howard Journal of Criminal Justice*. № 32. 1993. P. 309; *Braithwaite J., Mugford S.* Op. cit. P. 148.

⁷ Предложена бельгийскими учеными Ф. Тулкенсом и М. Кершовым в числе других моделей, отражающих степень развития диспозитивности в уголовном процессе (см.: *Tulkens F., Van de Kerchove M.* La justice pénale: justice impose, justice participative, justice consensuelle ou justice négociée // *Revue dwe droit penal et de criminology*. 1996. № 5. P. 447–449). Характеристику этих моделей см. подробнее: Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 206–208.

⁸ См.: Стойко Н.Г. Уголовная юстиция России в развитии. Красноярск, 1997. С. 24–31.

⁹ См.: Смирнов А.В. Состязательный процесс. СПб., 2001. С. 258.

¹⁰ См.: Стойко Н.Г. Указ. соч. С. 29–31.

и проведению альтернативного расследования, а также целесообразность публичного обвинения и возможность примирения сторон путем медиации (при субсидиарной активности суда на всех стадиях процесса)¹.

Уголовный процесс, ориентированный на стратегию примирения, должен быть нацелен на урегулирование криминальных инцидентов (столкновений интересов). Его функция — разрешать конфликты, то есть добиваться исчерпания противоречий, вызванных совершением преступлений, на основе волеизъявления и к взаимному удовлетворению сторон (потерпевшего и обвиняемого)². Преступление здесь рассматривается как конфликтная ситуация, стороны — как спорящие, а органы уголовной юстиции (их представители) — как организаторы и/или посредники в споре, уголовно-правовой характер которого (обусловленный лежащим в его основе криминальным конфликтом как столкновением преступных интересов и интересов общества) как бы отодвигается на второй план. Тем самым внимание органов уголовной юстиции концентрируется не на противоречии между преступными и общественными интересами, ценностями и нормами, а на его актуализации в конкретных деятельных людских столкновениях, представляющих криминальный (уголовно-правовой) конфликт как явление, то есть на межличностном взаимодействии³.

В этом смысле уголовный процесс должен охватывать всю действительность уголовно-правового конфликта, выходящую далеко за пределы непосредственной юридической оценки поведения человека как преступного, включая в себя не только собственно криминальную, но и предкриминальную, а также посткриминальную ситуации⁴. Последние могут иметь уголовно-правовое

Договорная (или переговорная) модель уголовной юстиции делает акцент на признании за частными лицами — участниками процесса права влиять на содержание принимаемых органами уголовной юстиции решений, т.е. достигать «подлинных» соглашений-контрактов с этими органами

¹ См.: Смирнов А.В. Указ. соч. С. 258.

² О понятии конфликта и его разрешении см., напр.: Хасан Б.И. О понятийной схеме и особенностях конфликта в деятельности по расследованию преступлений // Проблемы психологии следственной деятельности. Красноярск, 1989. С. 48, 54–55.

³ См. об этом: Ривман А.В. Виктимологические факторы и профилактика преступления. Л., 1975; Франк Л.В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977; Кудрявцев С.В. Конфликт и насильственное преступление. М., 1991.

⁴ Вероятно, это имела в виду В.Я. Рыбальская, когда отождествляла допреступные события с конфликтом, развивающимся по спирали (см.: Рыбальская В.Я. Виктимологические исследования в системе

значение (например, с точки зрения назначения наказания, его исполнения, предупреждения совершения новых преступлений) и регулироваться нормами уголовного, уголовно-процессуального и пенитенциарного права, а могут и не иметь (например, семейные или трудовые конфликтные действия, связанные с привлечением к уголовной ответственности, ресоциализацией после исполнения наказания; конфликтные действия, связанные с нарушением порядка уголовного судопроизводства, правил отбывания наказания), находясь в сфере действия права (в том числе его криминальных отраслей) либо за ее пределами.

Сказанное означает, что уголовно-правовой конфликт становится предметом деятельности органов уголовной юстиции и требует особой юридической организованности, достигаемой посредством применения норм криминальных отраслей права, заданной последними как возможность и актуализируемой в рамках соответствующей юридической практики (в нашем случае — уголовно-процессуальной) как необходимость на определенных этапах разворачивания конфликтного взаимодействия.

Следовательно, необходимы государственные и общественные институты, вся или часть предметной деятельности которых представляет собой урегулирование указанного конфликта в рамках особых процедур и с использованием специальных методов (неформально-правовых), интегрированных в уголовный процесс. Речь идет о социальных службах, службах пробации, различных общественных организациях, чьи представители могут взять на себя роль посредников и/или представлять (собирать) информацию, связанную с конфликтом. Что касается непосредственно органов уголовной юстиции, то их должностные лица по меньшей мере обязаны владеть способами нейтрализации уголовно-правового конфликта, проявляющегося как конфронтация, имеющая в целом деструктивный характер для ее сторон (преступника и жертвы), действия которых, имеющие разные основания и цели, несовместимы.

криминологической разработки проблем профилактики преступлений несовершеннолетних // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 33. М., 1980).